

Религия и наука.

(«Обезьяний суд» в Пролеткульта).

В пьесе есть и лукавый, достаточно запоздавший Макдональд, и «письмо Зиновьева», и бродящий по всему миру прирак коммунизма, и какая-то очень туманно выраженная забастовка рабочих, и штамповальный американский капиталист, и физическая польза бокса, и расслабленная буржуазия, почему-то непременно, — как везде это показывают, — непроходимо, до изнотства глупая и рыжая.

Но основа «Обезьяньего суда» все-таки чисто антирелигиозная. Пользуясь известным «обезьяньим» процессом в Америке, автор (Богомолот) сопоставляет людей науки и культуры с разжиревшими фермерами, свиноводами, шарлатанами-ношами, ханжами, паразитами и невежественными жандармскими генералами, которые думают, что Дарвин жив и до сих пор, и что эволюция—это все равно, что революция.

В этом сопоставлении, в этой теме большая, великая заслуга автора.—видимо, совсем еще молодого и в театральной технике мало опытного. Советская сцена ведет твердую агитацию и пропаганду, изучает новый быт, хочет знать новую деревню, крепко стоит на классово-й точке зрения. Но вопросы авторитета науки и культуры, борьба с предрассудками и суевериями, которые усердней, чем когда-нибудь, свет сейчас духовенство, скромные, но стойкие труженики науки и культуры интересуют сцену пока очень мало. И, кажется, впервые приходится видеть привлекательную, притягивающую зрителя ученую фигуру и спектакль, который заканчивается фразой—«да здравствует наука!». Мы больше привыкли видеть «смешных» и в достаточной степени недальних, парикаатурных профессоров и ученых.

Спектакль местами сделан весело, забавно, в чисто шутовском тоне, но юмор его очень высок, и шутка иногда заходит слишком далеко и обнажает ту склонность к преувеличениям и вывертам, от которой все постановки Пролеткульта никак не могут отделаться. Пьеса очень растягута для шутки, и

в ней есть одно очень существенное упущение: если уж сопоставлять науку с религией, свет с тьмой, культуру с невежеством, то нужно углубить более примеры и доказательства, тем более, что спектакль предназначен для рабочих клубов. Нужно разоблачить, убить логикой и наукой весь этот анекдотический вадор, который называется «священными книгами». И сделать это совсем не так трудно. Теория эволюции, естественный подбор, вечное движение, вечная борьба в природе, вечная победа сильного над слабым, вечный прогресс, улучшение мира, дарвиновское «происхождение человека».—все это аудитория, в особенности молодая аудитория Пролеткульта, возьмет очень легко и с большим интересом. Это должен был бы сделать молодой ученый, которого судят за пропаганду «биологии». А сейчас он говорит,—и на суде, и у жандармского генерала, и в других местах,—очень туманные общие фразы. И весь диспут между ним и пастором не ломает хорошим метким ударом религиозных нелепостей. И слишком уж много уклона в шарж, парикаатуру, слишком много шума, суеты, безделья, и от этого сущность пьесы уходит на второй план.

Играет «Обезьяний суд» совсем зеленая молодежь второй передвижной театральной мастерской. Еще неопытная, неумелая, хотя и живая, задорная. И Пролеткульт делает большую ошибку, воспитывая художественные вкусы рабочих на таком слабом и чисто любительском исполнении.

Три негртенки суетятся возле шваца. Громадного волшебного шкала, который разлагается на разные лады и своей мудрой конструкцией обслуживает всю обстановочную сторону спектакля.

Слабее всего музыка пианиста, сопровождающего спектакль. Это какая-то мутная, безнадежная самодельщина, которую нужно заменить чем-нибудь более содержательным.

А. Ценовский.